

А. Симонов

СМИ и власть

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Simonov_27.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

СМИ и власть*

*Алексей Симонов,
президент Фонда защиты гласности*

Эти заметки — попытка проанализировать и подвести некоторый итог тому, как складывались отношения средств массовой информации и власти с начала перестройки. С моей точки зрения, опыт 1990-х годов показал, что ни власть, ни пресса оказались к взаимодействию не готовы.

Вся советская пресса до середины 1980-х находилась в некоем восторженно-угнетенном состоянии. Кто-то с удовольствием покорялся давлению власти, другим не нравилось то, что приходилось делать, и они испытывали тайный восторг диссидентства. Деятельность и тех, и других можно описать замечательно емкой формулой: «громко, но про себя». Мы «громко, но про себя» хлопали дверью, «громко, но про себя» высказывали протест, «громко, но про себя» выходили на «сенатские площади», которые размещались на наших кухнях. Нам безумно нравились народовольцы — мы считали их воплощением нашего диссидентства; еще больше нам нравились декабристы — мы считали их воплощением собственного благородства. Так у нас возник странный комплекс, который немедленно проявился, как только была объявлена свобода.

Считается, что свободу мы добыли в бою. Это неправда. Признаем честно: нам ее дали. И, получив свободу, мы все — пресса в первую очередь — ни на минуту не остановившись для самоанализа и самокритики, немедленно перешли к проповеди. Не исповедавшись и не совершив покаяния.

Я все время сравниваю постперестроечную ситуацию с «оттепелью». Я — шестидесятник, моя библия — доклад Хрущева на XX

съезде. Но доклад-то был закрытый, так что библия моя предназначалась не для общего употребления, и читал я ее украдкой. Мало того, главный пафос доклада, при всей его значительности, состоял в том, что и те, кто сажал, и те, кого сажали, оказались жертвами культа личности. Давалась индульгенция коллективного освобождения от ответственности. Всякий раз у нас свобода приходит сверху и приносит ее кто-то, у кого совесть не слишком чиста, — это можно сказать и о Хрущеве, и о Горбачеве, и о Ельцине. Совершенно естественно, что их отношение к идее покаяния было чрезвычайно настроженным.

Мы всегда были коллективным целым, и тяга к этому целому в нас очень сильна. Тем не менее, ответственность каждый несет за себя. Это предполагает серьезную самодисциплину, постоянную самопроверку, паузы для самокопания. И множество поводов для недовольства собой. Мы же, не осознав, что несем в самих себе, принялись учить демократии (опыта которой у нас не было), даже не усомнившись в собственном праве на это. Сомнения появились много позже и далеко не у всех. (Скажем, мой друг Егор Яковлев до сих пор считает, что не принес никакого вреда своими пятьюдесятью сериями новой биографии Ленина... А кое-кто из самых ярких проповедников, отхватив жирный кусок и успокоившись, отошел от этой деятельности. Другие же — от Юрия Афанасьева до Виталия Коротича — отступили в тень, стараясь не напоминать о своей роли в недавней истории.) Но тогда, повторю, не было желания остановиться, оглянуться — безоглядно рванули в демократию. Однако на вопросы — что впереди,

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований 21 сентября 1999 года.

кого и куда зовем? — мы были абсолютно не готовы ответить. Эти умонастроения, на мой взгляд, во многом и определили парадоксальные взаимоотношения прессы и власти в 1990-е годы.

Кстати говоря, власть, которая нам противостояла, вышла на тропу войны даже в худшем психологическом состоянии. На нас, в сущности, не лежало никакой ответственности, а они, хотя бы формально, должны были нести ответственность за то, что происходит в стране. В связи с чем в их стане наблюдалась явная растерянность.

На самом деле единственной властью в начале перестройки была власть информационная. (17 миллионов подписчиков «АиФ», 24 миллиона читателей «Труда» — данные, достойные книги рекордов Гиннеса.) Народ прессу читал, журналисты пребывали в эйфории, и никто из них не задумывался над тем, на какие деньги живет. А в 1992 году власть совершила нечто такое, чего мы никак не предполагали: открыто претензий к журналистам никто не предъявлял, никто ничего не запрещал, но неожиданно выяснилось, что карманы у прессы опустели. И добро бы, если бы их «обчистила» прежняя, неуважаемая, атакуемая власть — так нет же, это сделали обожаемые прессой политики, «прогрессивные и демократические». То был первый парадокс, с которым мы столкнулись. Впрочем, пришли в себя довольно быстро.

Я тоже ходил на митинги и даже организовывал их. Вел, например, митинг «Закрытый «Взгляд» под открытым небом» на Манежной площади, куда пришли более 500 тысяч человек. И там у меня впервые возникло ощущение, что я совершенно не разбираюсь во взаимоотношениях прессы и власти. Представлявшие «Взгляд» Александр Любимов, Алексей Захаров, Владислав Листьев и Владимир Мукусев почему-то не рвались к микрофону. Мне объяснили эту странность довольно просто: есть шанс, что им позволят вернуться обратно. Впрочем, я мог бы и сам догадаться — к тому времени у меня уже был опыт создания Фонда защиты гласности. В 1991 году 52 работника кино объявили бойкот Гостелерадио из-за освещения событий в Риге и Вильнюсе. Мы запретили показывать свои лица и

фильмы на экране и обратились с призывом к журналистам Центрального телевидения поддержать нас. А поскольку такое решение грозило им потерей работы, был придуман Фонд защиты гласности — для поддержки тех, кто присоединится к бойкоту. Однако ни один человек не присоединился. Эти журналисты заявили: будем стоять до последнего, пока, если не словами, то выражением лица и интонацией, сможем донести до зрителей хотя бы часть правды. Буквальное попадание в приснопамятную формулу — «громко, но про себя».

Вскоре возникло еще одно знаковое явление: журналисты пошли во власть. Многие «золотые перья» — а телевизионные кумиры просто поголовно — ринулись в депутаты. Новая сфера деятельности пришлась по душе. Выяснилось, что когда ты говоришь правду как журналист, ее пропускают мимо ушей, а когда ты говоришь как депутат — иногда тоже правду, — к тебе начинают относиться со вниманием, в том числе и твои коллеги. Большой соблазн. Мы эту ситуацию не раз обсуждали с любимым и уважаемым мною Юрием Щекочихиным, но и ему не удалось меня переубедить: я считаю, что журналист по определению не может быть депутатом, а депутат журналистом. Депутат может писать статьи, этого права у него никто не отнимает, но журналист депутатом быть не может — он перестает быть журналистом.

Вернемся в 1992 год. Сделавшись бедными, мы остались гордыми. И еще три года испытывали это замечательное чувство. Начали искать способы выживания — в борениях с властью и без ее участия. Этот период был самым романтическим в истории постсоветской журналистики. И рейтинг влияния прессы тогда был наиболее высоким. С одной стороны, хотя тиражи и сократились, действовала инерция больших чисел; с другой — прессу еще не прибрали к рукам, и она выражала то, что думало общество. Именно тогда Михаил Полторанин подкинул журналистам соблазнительный термин — «четвертая власть», причем не очень отдавая себе отчет в том, кто на самом деле является в обществе этой самой «четвертой властью». Скажем, в развитом гражданском обществе такая власть есть. Это общественное мне-

ние — сила, опирающаяся на структуры гражданского общества, выявленные, устойчивые, создающие резонанс при информационном взрыве. Наглядный пример тому — Уотергейтский скандал, приведший к добровольному уходу Ричарда Никсона с поста президента. Поводом же послужила сущая ерунда по сравнению с теми «уотергейтскими», что происходят у нас каждый месяц. Но где тот резонанс, который выбросил из кресла хотя бы одного крупного российского чиновника?! В лучшем случае спустя какое-то время из отголосков скандала, о котором пресса давно забыла, может вырасти уголовное дело.

В 1994 году Александр Минкин подарил мне идею статьи: напечатано множество расследований, где говорится об уголовных нарушениях, после публикации которых не последовали иски о защите чести и достоинства, но ни следствие, ни прокуратура не возбуждали дела по этим фактам. Моя статья «Скорбный список нашего бессилия» появилась в «Известиях». Откликами на нее стали две статьи и один телефонный звонок. Вот и весь общественный резонанс... Кроме всего прочего, это означает, что пресса мало заинтересована в эффективности собственных публикаций.

У О'Генри есть замечательный рассказ о племени зевак, которое, стоит чему-то случиться, тут же окружает место происшествия, чтобы поглазеть и посудачить. И вот двое из этой толпы полюбили друг друга и решили пожениться. Свадьба, венчание, огромная толпа зевак, в которой он и она стоят в ожидании самих себя, того, как они выйдут из церкви... На мой взгляд, это — образ нашей прессы, с ее самодостаточностью, оборачивающейся отсутствием интереса к результатам собственной деятельности.

Как бы там ни было, к 1995 году пресса была на вершине своего влияния и преисполнена самодовольства. Сработала мина, заложенная Полтораниным, — пресса объявила себя «четвертой властью», начисто отринув те функции, которые делают ее в демократических странах важнейшим инструментом этой власти, — функции формирования общественного мнения и формулирования его итогов. Появился даже журнал «Четвертая власть». И это в то время,

когда у нас даже свободы слова в ее общечеловеческом, демократическом понимании нет. (Между прочим, именно поэтому возглавляемый мною Фонд называется Фондом защиты гласности, а не Фондом свободного слова. Защищаем то, что есть...) Свобода слова держится на трех китах: законах, традиции, навыках. Что касается навыков — они еще не сформировались. Традиции? Мы пока еще не расстались с советскими. Законы? В законе о СМИ оговорено, что ему нужна «подпорка» — закон о телевидении. Такого закона нет. Мало того: свобода слова начинается с доступа к информации. Но у нас нет и такого закона. Опереться не на что!

Для сравнения: в Соединенных Штатах, где, как известно, запрещено издавать законы, регламентирующие деятельность СМИ, имеются три закона о доступе граждан к информации. И журналисту не требуется никакого отдельного разрешения, потому что доступ любого гражданина США к информации охраняется этими чрезвычайно подробно разработанными законами.

Я располагаю результатами общественной экспертизы уровня свободы слова, которую провели Союз журналистов России, Фонд защиты гласности, Интерньюс и Национальный институт социально-психологических исследований. Специалисты — прежде всего социологи и юристы, — исходя из трех критериев: свободы получения информации, свободы производства информации и свободы распространения информации, оценили ситуацию в 81 субъекте Российской Федерации. Выяснилось, что на первом месте — с большим отрывом — находится Москва, на восемьдесят первом — с большим отставанием — Республика Башкортостан. Но спектр в целом оказался весьма неожиданным. Скажем, тот любопытный факт, что шестое место занимает Иркутская область, а шестьдесят второе — Псковская, которая возглавляется демократами, наводит на размышления...

Так обстоят дела со свободой слова — в том числе и потому, что в 1996 году прессе предложили сделку: на время отказаться от части завоеванных свобод, «положить их в банк». Дескать, по истечении срока договора свобода будет возвращена с процентами. Отча-

Хельмут Ньютон. Хрупкая. 1967

янные попытки не поддавшихся всеобщей эйфории (в том числе и мои) убедить коллег, что в замкнутом пространстве проценты на свободу не растут, что эта сделка — заведомый обман, ни к чему не привели. Пресса позволила соблазнить себя и унижить — и перестала ощущать себя той силой, какой была прежде. А власть (финансовая, административная, законодательная, какая угодно) поняла, что с прессой можно заключать сделки. Прессу стали покупать, продавать, перепродавать. С 1996 года началась активная атака на завоеванные прессой свободы. Сейчас до 40 процентов газет являются государственной и муниципальной собственностью. Более того, — предсказываю! — в самое ближайшее время на них перестанет распространяться закон о СМИ. Такая газета станет обычным муниципальным учреждением, а журналист — государственным служащим, который будет исполнять указания вышестоящих начальников и писать что надо и как надо. Уже сейчас многие руководители разного ранга говорят с журналистами на языке директив. По моим сведениям, так пытаются разговаривать и с главными редакторами независимых или, во всяком случае, формально государству не принадлежащих изданий — дают руководящие указания, грозят санкциями. Похоже, что журналисты эту опасность недооценивают. Союз журналистов в Перми даже хотел создать свою палату по информационным спорам во главе с ... губернатором. Вообще ситуация с союзами журналистов заслуживает отдельного разговора. По моим подсчетам, сегодня уже примерно 20 процентов из них возглавляют чиновники. Скажем, председатель Союза журналистов на Белгородчине одновременно является председателем комитета по прессе областной администрации. Он на государственной службе и, совершенно естественно, выполняет заказ тех, от кого получает зарплату. А Российский союз ничего с этим поделать не может, поскольку так решили сами белгородские журналисты. Точно так же липецкие журналисты выбрали председателем своей областной организации вице-губернатора. Многие журналистские организации на это идут, рассчитывая получить некий приварок. И получают — в обмен на ограничение свободы.

Был задействован и один из наиболее отработанных способов давления на прессу — самый действенный и удобный — иски о защите чести и достоинства. По мониторингу, который ведется нашим Фондом, конфликты — огрубляя — делятся на те, где пресса выступает в качестве потерпевшего, и те, где прессе инкриминируется какая-то вина, причем неважно, будет ли она потом признана судом. Итак, пресса — виновник или потерпевший? Соотношение таково: в 1995 году в 15 процентах дел она выступала в качестве ответчика, обвиняемого, в 85 процентах — в качестве потерпевшего; в 1996 году это соотношение выглядит как 35 процентов к 65-ти; в 1997 — 46 к 54 процентам; в 1998 году в 60 процентах конфликтов пресса считалась виновной и только в 40 процентах случаев были ущемлены ее права. (На самом деле права прессы были ущемлены более чем в половине тех случаев, когда она считалась виновной, но это уже другой разговор.) Это — то же ущемление прав прессы, но абсолютно цивилизованным путем, через наш независимый народный суд. И оно особенно опасно — ибо выглядит законным. Мы даже обнаружили, что в 1998 году одновременно с ростом числа исков о защите чести и достоинства снизилось количество случаев криминального насилия по отношению к отдельным журналистам и редакциям. Зачем возиться с бензином или железными трубами, когда можно подать иск и «раздеть» газету, средство массовой информации, абсолютно законным путем, оставаясь при этом цивилизованным человеком?

Осознав важность проблемы с исками и судами, наш Фонд организовал психолингвистическое исследование законодательной терминологии. Мы попытались выяснить, насколько точно прописаны в законах понятия «честь», «достоинство», «клевета», «оскорбление» и тому подобное, и убедились, что весьма нечетко. Скажем, что такое «деловая репутация», и кто ею обладает? Логично предположить, что тот, у кого есть «дело», связанное в той или иной степени с торговым оборотом. Но это означает, что, скажем, мэр Москвы обладает деловой репутацией только в том случае, если занимается запрещенной ему — по статусу —

деятельностью. Однако нигде в законе это ясно не прописано! Мы организовали конференцию с весьма широким спектром участников, включая Верховный суд и Квалификационную коллегия судей, провели исследование взаимоотношений судебной власти и СМИ, выпустили книгу на данную тему, участвовали в заседании Совета при президенте по усовершенствованию правосудия. Между прочим, председатель Верховного суда пообещал нам провести специальный пленум Верховного суда, посвященный проблеме исков о защите чести и достоинства — мы предоставили список дел, при рассмотрении которых, с нашей точки зрения, было неверно применено законодательство.

Еще об опасностях. Выяснилось, что прессу очень легко купить. Как говорится, единожды солгавший, кто тебе поверит? Однажды продавшись... — дальше вопрос только в цене. В 1994 году наш Фонд совместно с Тюменским центром прикладной этики провел межрегиональное (Москва и Тюмень) исследование «Дух свободной корпорации. Возможны ли правила честной игры в журналистике?». Обнаружилось, что если раньше можно было себе представить обсуждение этических вопросов на уровне редакций, то сегодня такие вопросы если и обсуждаются, то только отдельными журналистами. Этические нормы стали абсолютно индивидуальными, каждый отвечает за себя. В том числе как профессионал. Попытки выработать нормы корпоративные, как правило, совершенно безуспешны.

Такова картина последнего десятилетия, не слишком приглядная. Вопрос состоит в том, можно ли ее изменить, а если можно, то как, и какова в этом роль нашего Фонда.

Начнем с того, что свобода слова предполагает наличие гласности и слышимости. Со слышимостью у нас проблемы, но с гласностью пока еще неплохо, и это уже хорошо. Потому что если мы потеряем возможность выкрикивать из толпы, что король голый, если мы потеряем возможность подписывать эти реплики собственными именами, пусть даже оставаясь в сегодняшних услови-

ях мальчиками из толпы, — мы потеряем все, мы потеряем надежду. А значит, надо всеми силами оборонять гласность.

Делать это становится все труднее, идет активное давление на СМИ. Можно вспом-

*Принципиально важно, чтобы пресса
стала мощным инструментом,
формирующим и формулирующим
общественное мнение, выполнив тем
самым свою гражданскую роль*

нить хотя бы законотворческий порыв 1998 года, весь комплекс, к счастью, не принятых или недопринятых законов... Не было ни одного, который не содержал бы положений, откровенно направленных на ущемление свободы слова. Все это означает введение цензуры в любом виде и под любым предлогом. Наше счастье, что руководить прессой хочется не кому-то одному, а многим, и они не могут между собой договориться. Тот факт, что руководить нужно, сомнению для власти не подлежит. А потому, когда зашла речь о создании наблюдательного совета по этике, консенсус был достигнут чрезвычайно легко.

В середине 1990-х годов обозначилась еще одна проблема: наиболее крупные и авторитетные СМИ начали «сжиматься» с теми или иными властными силами. Их интересы воспринимается и подаются как интересы благородные, а интересы их соперников — как интересы подлые. Идет вброс компромата. При этом логику здесь искать бессмысленно. За информационными баталиями — столкновение политических интересов. Самая большая беда, которая может произойти и уже происходит, состоит в том, что интересы прессы и власти зачастую совпадают, и законы попираются. В этой ситуации задача Фонда защиты гласности — всеми силами защищать закон. Установка на обслуживание власти особенно опасна в преддверии выборов. Сейчас принципиально важно, чтобы пресса стала мощным инструментом, формирующим и формулирующим общественное мнение, выполнив тем самым свою гражданскую роль.